

УДК 316.32:316.77
ББК 60.524.224.51
X 98

З.Ю. Хуако,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

З.А. Жаде,

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, тел.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЖУРНАЛИСТИКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹

(Рецензирована)

Аннотация. Данная статья рассматривает нравственно-правовые основы функционирования журналистики в социуме. Представленный в публикации материал анализируется в контексте исторической ретроспективы и социокультурных факторов создания и развития печати и других средств массовой информации. Основное внимание уделяется правовому регулированию журналистской деятельности в сфере информации.

Ключевые слова: нравственность, право, правовое регулирование, журналистика, печать, пресса, средства массовой информации, средства массовой коммуникации.

Z.Yu. Khuako,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Theory of the State and Law and Political Science, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

Z.A. Zhade,

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the Theory of the State and Law and Political Science, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

MORAL AND LEGAL FUNDAMENTALS OF JOURNALISM: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND SOCIOCULTURAL ASPECT

Abstract. This paper discusses moral and legal basics of functioning of journalism in society. The material presented in the publication is analyzed in the context of historical retrospective and sociocultural factors of creation and

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования»

development of the press and other mass media. The main attention is paid to legal regulation of journalism in the sphere of information.

Keywords: morality, law, legal regulation, journalism, press, mass media, means of mass communication.

Средства массовой информации в процессе своего становления и развития прошли столетия, с одной стороны, как технические средства фиксации, копирования, тиражирования, хранения текстов разного предназначения, а также системного и постоянного распространения целостного (объединяющего) потока информации, адресованного массовой аудитории, – с другой.

История печатных средств массовой информации (газет и журналов) начинается в XII веке с замены дорогого пергамента на более дешёвую бумагу. В середине XX века немецкий изобретатель книгопечатания Иоганн Гуттенберг напечатал в Майнце так называемую 42-строчную Библию – первое полнообъёмное печатное издание в Европе, признанное «шедевром ранней печати» [1; 352].

У истоков газетного дела стояли венецианские информационные листки, сообщавшие о ярмарках, ценах, товарах. Слово «газета» вошло в европейские языки со второй половины XVI века. Имянаречение связано с названием старинной мелкой венецианской монеты «gazzeta», читательской платой за очередной информационный листок [2; 36-37, 3; 11].

Первая русская датированная печатная книга «Апостол» появилась в 1564 г. в Москве в типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Она печаталась без малого год – с 19 апреля 1563 г. по 1 марта 1564 г. 1621 г. ознаменовался выходом первой русской рукописной газеты «Куранты», информационные материалы (известия) которой носили военный, дипломатический, придворный и торговый характер. С самого начала возникновения пресса рассматривалась в контексте истории, власти, общества. Этот тезис

подтверждается выходом 13 января 1702 г. первой русской печатной газеты «Ведомости», основанной Петром I и призванной пропагандировать среди широких кругов читателей внутреннюю и внешнюю политику царя.

Исторические и социокультурные факторы возникновения, развития, предназначения газет и журналов требовали, чтобы печатная продукция становилась действительно дешёвой и общедоступной. Этому способствовало создание в начале XIX века механизированной печатной машины, посредством которой 28 ноября 1814 г. был отпечатан номер старейшей английской газеты «Таймс» («The Times» – «Времена»).

Очередным новшеством в газетах и журналах становится вставка рисунков в текст, которая представляла собой сложный и длительный процесс, что вынуждало передавать информацию преимущественно в виде печатного слова. XIX век знаменателен ещё и тем, что совершенствование печатной техники порождает, в свою очередь, новое средство массовой информации – плакат, выполнявший одновременно функции вестника (глашатая), информируя население о важнейших событиях, и рекламные функции (театральные, кинематографические афиши, различные объявления и т.д.).

Новым этапом в истории развития прессы как единственного средства массовой информации стало появление в XIX веке фотографии в качестве иллюстрации информационного печатного текста. Таким образом, увеличивается объём визуальной информации.

Очередной период в развитии журналистики связан с появлением радио, а затем и телевидения как нового средства массовой

информации. Радиотелевизионная журналистика значительно расширила коммуникативные возможности взаимодействия государства, власти и общества в сфере информационной политики, в интересах массовой аудитории.

В конце XX века и в первое десятилетие нового тысячелетия, благодаря компьютеру, Интернету, социальным сетям, ранее обособленные информационные и культурные пространства теряют свои государственные, национальные (этнические) границы. В этих условиях не только общение в транснациональной коммуникативной среде превращается в факт коммуникации, но и приобретает особую актуальность смысловое наполнение процесса общения.

Через систему средств массовой информации и коммуникации, особенно европейских, в сфере пропаганды «демократических ценностей» – порой изощрённо, а то и с цинизмом – нередко используются различного рода механизмы программирования общественного сознания, контроля и управления процессом информационных взаимодействий посредством массовых коммуникаций. В результате систематизации предложенной или самостоятельно подобранной информации человек (читатель, слушатель, зритель, пользователь) часто выступает обладателем совершенно новой информации, отличающейся от исходной. Массовая аудитория при этом не задумывается над проблемами исторической достоверности, правдивости, точности той или иной информации, того или иного факта, сообщения.

С момента зарождения журналистики, печатных и электронных средств массовой информации в человеческом сообществе возникла потребность сначала в морально-нравственном, потом и в правовом регулировании этой важнейшей сферы публичной общественной деятельности.

Бессмертным остается рожденное в древнейших цивилизациях изречение: время уходит – слово остается. Фольклорные, литературные, научные источники прошлых веков и тысячелетий поражают нас до сих пор своей самобытностью, образностью, метафоричностью и глубиной содержания. Постепенно эти тексты приобрели в политике и праве системное, мировоззренческое значение. В человеческом общении, сосуществовании, общении мудрецы вкладывали особый смысл в устную речь, произнесенное слово, которые должны были регулироваться внутренними (нравственными) законами, представлениями о добре и зле. К примеру, древнеиндийские ведические (веды – знание) учения в рассуждениях о мысли и речи, о правде и лжи подчеркивали, что «речь поистине больше, чем имя», «поистине мысль больше, чем речь». Авторы древнейшего китайского литературного памятника «Ши Цзин» («Книга песен и гимнов»), осуждая легковесность в речи, а также клевету, предостерегали: «Слово нельзя отпустить, не обдумав его» [4; 43, 68].

Независимо от формы текстов (религиозной, философской, социологической, художественной и т. д.), в них ощущается наличие политологического, социокультурного аспекта, отражается характер социально-экономических структур, политических институтов, а также патриархальность общественных отношений, семьи и быта, своеобразный менталитет.

С приходом печатного слова вместо устного возникает острая необходимость изменения правил игры, правового регулирования в социуме создания, тиражирования, распространения произведений печати, журналистской деятельности. Наряду с нравственными аспектами предпринимаются попытки создания регулируемого специальными законами правового поля для

журналистов, средств массовой информации и коммуникации.

Большинство ученых, изучающих теорию и историю журналистики, её роль в политической системе общества, считают, что средства массовой информации должны быть объектом не только тщательного исследования, но и четкого правового регулирования.

Естественно, что в мифологическую эпоху основным средством проявления информационных возможностей, распространения информации было устное слово, передававшееся от одного человека к другому. Размышляя об особенностях функционирования идеального государства, древнегреческий философ Платон в работе «Законы» выделяет понятие «иерархия хоров» (в современном понимании – различные типы средств массовой информации) в государственной пропагандистской системе, подобной информационному полю. Античные мыслители довольно четко обозначили весомость устного слова, информации в структуре государства, в обеспечении жизнеспособности социума. Крылатыми стали платоновские слова: «государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни» [5; 115].

Сложными, противоречивыми, неоднозначными путями шел социум к качественно новому состоянию цивилизационного, коммуникационного развития. Говоря о неразрывной взаимосвязи социального и духовного совершенствования общества, немецкий философ и политический мыслитель Карл Ясперс назовет эту эпоху началом «безграничной коммуникации» в жизни общества [6; 49].

При отсутствии юридических, правовых норм благоразумное существование, сосуществование устного и печатного слова в информационном, коммуникационном пространстве определялись нравственными, морально-политическими, этически, социокультурными факторами,

наконец, чувством меры. Мыслители разных эпох, провозглашая демократические ценности, естественные права человека, не без основания трактовали свободу как осознанную необходимость. Однако проблема соотношения свободы слова и чувства меры всегда вызывала и вызывает в обществе, международном сообществе неоднозначную реакцию. Платон, в частности, считал, что свобода, преступившая грани дозволенного, – «величайшее зло», а свобода «в надлежащей мере это – великое благо» [5; 507].

В недрах идеального (утопического) государства как замкнутой системы возникает контрпропаганда (противодействующее информационное поле). По справедливому утверждению исследователей журналистики, это обстоятельство приводит «к потере стабильности и гармонии, а в случае слабости государственных институтов – к разрушению того общественного строя, существование которого были призваны поддерживать платоновские «хоры» [2; 6-7].

Параллельно с морально-нравственным регулированием информационного и коммуникационного пространства в социуме постепенно приходит понимание важности конституционного, правового, юридического определения сферы журналистской, информационной деятельности.

Скажем, в зарождавшейся журналистике Древнего Рима понятие свободы слова было ограниченным. Это подтверждается словами Корнелия Тацита: «Если былые поколения видели, что представляет собой ничем не ограниченная свобода, то мы – такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других» [7; 328].

Переход от устного слова к печатному породил множество проблем, связанных с контролем распространения информации и обмена

идеями. С 1502 по 1523 гг. появились: в Испании – закон о предварительной цензуре всех печатных изданий; в «Священной Римской империи» – Вормский эдикт (г. Вормс), объявивший Мартина Лютера еретиком и ставивший его вне закона; в Англии – закон о королевском патенте, обязывавший типографов представлять печатные материалы на предварительную цензуру. В уникальный по своей форме инструмент управления идеологией и информацией превратился «Индекс запрещённых книг», издававшийся Ватиканом в 1559-1996 гг. как официальный перечень сочинений, чтение которых католическая церковь запрещала верующим под угрозой отлучения. Так устанавливались своеобразные правовые (если таковыми можно их назвать) нормы при отправлении правосудия.

Цензурные ограничения и жёсткие санкции по отношению к печатным изданиям получили широкое распространение и в Российской империи. Достаточно привести хронологию истории отечественной цензуры в 1783-1848 гг.: именные указы Екатерины II – о «вольных типографиях» и цензуре, проводившейся двумя светскими и одной духовной особами. Согласно первому указу, печатные произведения надлежало отдавать на просмотр в «местную управу благочиния» (полицию). Появился также указ с хитроумным названием – о недозволенности издания книг, «исполненных странными мудрствованиями», «или, лучше сказать, с сущими заблуждениями». Более того, царица закрыла все частные типографии, а цензура сосредоточилась в специальных цензурных ведомствах.

За короткое правление Павла I выходят десять законов о цензуре и указ, запрещающий ввоз любых заграничных печатных изданий. Цензурой запрещались употребление в печати слов «граждане»,

«республика», «родина», «отечество», «общество».

Первые выходит Александровский русский цензурный устав, узаконивший предварительную цензуру печатных изданий структурами Министерства народного просвещения. Позже появляется еще более жёсткий, названный чугунным, устав цензуры периода царствования Николая I. Создаются Главное управление цензуры, комитет по иностранной цензуре, другие цензурные структуры в разных городах. Наконец, в 1848 г. учреждается так называемый негласный правительственный «Комитет 2-го апреля», контролировавший цензуру и печать [8; 268-270].

Правовое положение журналистики определялось Временными правилами о печати 1865 г., заменившими все предыдущие указы и распоряжения царских властей. В соответствии с ними от предварительной цензуры освобождались столичные ежедневные газеты и журналы, а также книги объемом более 10 печатных листов. По-прежнему предварительной цензуре подвергались иллюстрированные, сатирические издания, провинциальная печать. Министр внутренних дел наделялся правом посылать издателям освобожденных от предварительной цензуры печатных органов предостережения и при третьем – приостанавливать издание сроком до шести месяцев. Он также был наделен полномочиями судебного преследования против издателей. Прерогатива о полном прекращении изданий передавалась на рассмотрение суда. В апреле 1865 г. появляется Указ Александра II с любопытным названием «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» [8; 59-60].

Как особый вид государственного надзора за печатью в 1865-1917 гг. в Российской империи применялась карательная цензура. В отличие от предварительной

цензуры она рассматривала книги и журналы по напечатанию (до выхода в свет), за нарушение цензурных правил налагала арест на то или иное издание, а автор и издатель предавались суду. Карательная цензура проявлялась и в литературных процессах – судебных делах о нарушении законов (правил) о печати в России в 1865-1872 гг. и 1905-1917 гг. (в 1872-1905 гг. применялись административные меры). Судебные дела, как правило, возбуждались цензурными органами, влекли за собой запрещение и уничтожение всего отпечатанного издания. Бывали редкие случаи, когда издатели выигрывали литературные процессы.

Практика применения цензуры, особенно карательной, приводила к негативным последствиям в социальной, культурной жизни общества, накладывала свой отпечаток на правила поведения людей в социуме, ограничивала свободу слова и доступа к социальной информации, подавляла инакомыслие, регулировала права человека, свободу слова и печати, существенно суживала поле влияния журналистики на общественное сознание.

Цензура в советский период явился порождением русской революции октября 1917 г. Революции, в основе которой лежали принципы социальной справедливости, альтернативного, нового устройства общества, уникального социально-экономического и политического проекта со всеми плюсами и минусами, обозначенного современными историками термином «советский вариант модернизации».

Отличительная особенность российской журналистики заключается в том, что она вступала в революционные события как «многопартийная, многонациональная и дифференцированная» система печати. 27 апреля 1917 г. Временное правительство принимает Закон о печати, в котором провозглашается свобода слова, всем политическим

партиям и группам предоставляется право легальной издательской деятельности, распространения и реализации печатной продукции.

Вместе с тем, в нараставшем информационном потоке не могло быть единства действий и единомыслия. В ответ на обвинения Советского правительства в нарушении принципа свободы прессы 10 ноября 1917 г. принимается Декрет «О печати». Заложенные в нем временные положения о чрезвычайных мерах по отношению к прессе отвечали большевистской концепции революционной целесообразности, стали постоянными и получили дальнейшее закрепление. Игнорировалось, в частности, положение: «стеснение печати даже в критические моменты допустимо только в пределах абсолютно необходимых». Складывалась такая ситуация, когда «в пределах абсолютно необходимых» не было пределов. Пресечение деятельности инакомыслящей журналистики продолжилось жесткими мерами, предусмотренными в декретах «О введении государственной монополии на объявления» и «О революционном трибунале печати». Более того, курс VIII съезда РКП (б), основу которого составляли «строжайший централизм и самая суровая дисциплина», узаконивал положение: «все предприятия партии, поддающиеся централизации (издательство, пропаганда и пр.), должны быть в интересах дела централизованы» [9].

В целях тщательного контроля сферы журналистики создается Главное управление по делам литературы и издательств, вскоре преобразованное в Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит). Эта структура, выполняя прямые функциональные обязанности, одновременно превратилась в инструмент репрессивной политической цензуры.

С окончанием Гражданской войны и иностранной военной

интервенции в стране утверждается однопартийная политическая система. В условиях диктата партии большевиков многопартийная советская журналистика, естественно, приобретает признаки однопартийной прессы, доминирующее положение в обществе занимает печать партийных комитетов и органов Советской власти. Своеобразным средством осуществления контроля и цензуры в сфере журналистики, издательской деятельности являлись обязательные для исполнения резолюции, постановления, письма, циркуляры, обзоры, принимаемые высшими партийными инстанциями, подведомственными структурами, подразделениями в республиках, краях и областях СССР.

Веками формировавшееся в общественном сознании стремление к свободе постепенно закреплялось в международных и национальных правовых актах различного уровня. Так, в Декларации прав человека и гражданина Французской революции в её исходном и якобинском вариантах провозглашается «свободный обмен мыслями и мнениями» как одно из «драгоценных прав человека». В ней каждому гражданину предоставляется право «свободно говорить, писать и печатать под условием ответственности за злоупотребления этой свободой в случаях, определенных законом», а также «выражать свои мысли и свои мнения как посредством печати, так и любым иным способом».

Важнейшей составляющей правового закрепления статуса журналистики явились политические документы, затрагивающие деятельность средств массовой информации в контексте международного права. Всеобщая декларация прав человека, провозглашенная и утвержденная Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 10 декабря 1948 г., четко обозначила право на свободное выражение своих убеждений, которое

включает «свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Таким образом, спустя столетия ООН зафиксировала правовое положение информации, рассчитывая, что впоследствии оно станет обязательной нормой современных международных отношений.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, одобренная в Риме 4 ноября 1950 г., подтвердила приверженность положениям Всеобщей Декларации прав человека и дополнила их разумными уточнениями. Так, в статье 10-й шире трактуется право на свободу выражения своего мнения, которое предусматривает «свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ». Вместе с тем, эти правовые нормы не препятствуют государствам вводить «лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий», обозначить определенные обязанности и ответственность в связи с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в интересах «национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия», «предотвращения беспорядков и преступлений».

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля-1 августа 1975 г., информации посвящен целый раздел. В нем отмечается значение информации в социуме, существенная и влиятельная роль печати, радио, телевидения, кино, телеграфных агентств, а также журналистов, работающих в сфере международных

и межгосударственных отношений. Ставится цель – «облегчать более свободное и широкое распространение всех форм информации, поощрять сотрудничество в области информации и обмен информацией», улучшить условия, в которых журналисты «осуществляют свою профессиональную деятельность». Выражается намерение «обеспечить улучшение распространения, доступа и обмена информацией как устной, так и письменной» [10].

Правовое регулирование журналистики в конституционных рамках начинается с первой поправки (Билль о правах) к Конституции Соединённых Штатов Америки. В ней говорится, что «конгресс не должен издавать законов..., ограничивающих свободу слова или печати». Юридические нормы информационной, журналистской деятельности предусмотрены в конституциях и других зарубежных стран. К примеру, Конституция Германской империи (Веймарская Конституция) 1919 г. запретила цензуру и гарантировала право каждого немца «в пределах общих законов свободно выражать свои мнения устно, письменно, в печати, посредством изображения или иначе». По истечении трех десятилетий Основной Закон Федеративной Республики Германии 1949 г. закрепил «право выражать и распространять свои мнения устно, письменно, посредством изображений», гарантировал свободу печати и свободу информации «посредством радио и кино». Было зафиксировано и отсутствие цензуры. Примечательным явлением в азиатской части мира стала Конституция Японии 1947 г., которая провозгласила свободу «слова, печати и всех иных форм выражения мнений» [11].

Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. провозгласила, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет трудящимся действительную свободу «выражения своих

мнений», уничтожает «зависимость печати от капитала», передаёт рабочему классу и крестьянской бедноте технические и материальные средства для издания газет, брошюр, книг, других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране. Получается, что интеллигенция и другие слои общества остаются вне конституционных рамок.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. декларирует, что «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова, б) свобода печати». Однако обеспечение этих прав ограничивается только «предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги», «других материальных условий, необходимых для их осуществления».

В Конституции Российской Федерации 1993 г. – правопреемницы Советского Союза – обозначены основополагающие аспекты правового регулирования журналистики, информационного пространства. Признавая права и свободы человека и гражданина, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, она гарантирует «свободу мысли и слова», «свободу массовой информации», «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», запрещает цензуру, а также «пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [12].

В условиях демократизации нашего общества журналистика, средства массовой информации превратились в реальную политическую силу, в важный институт политической системы. Формировавшаяся годами нормативная база воздействовала на характер

отношений между средствами массовой информации и органами государственной власти. Эти обстоятельства требовали законодательного оформления статуса журналистики, средств массовой информации. Под давлением общественности 12 июня 1990 г. Верховный Совет СССР принимает первый в истории страны Закон «О печати и других средствах массовой информации». Таким образом, декларативные положения о свободе слова и печати превращались в правовой институт, создавались юридические рамки для регулирования деятельности журналистов и средств массовой информации.

Именно этот нормативный акт заложил правовые основы современного законодательства о средствах массовой информации в нашей стране. Но с распадом Советского Союза закон, естественно, потерял юридическую силу. Это привело к появлению президентского Указа «О средствах массовой информации РСФСР от 21 августа 1991 г.», направленного на разрушение монополии в сфере массовой информации, завладение отдельными каналами вещания с соответствующей материально-технической базой – студиями, передающими станциями, спутниками, наземными ретрансляторами и т.д. Партийные издания формально передавались в руки журналистских коллективов, а реально – группе преданных высшему руководству людей. Вместо печатных органов партийных

комитетов и Советов народных депутатов учреждались «полунезависимые» общественно-политические газеты, государственные телерадиокомпании в субъектах Российской Федерации.

При отсутствии четко выверенных законов в области журналистики средства массовой информации превращались в яблоко раздора между законодательной и исполнительной ветвями власти. Противостоянию различных по своим функциям властных органов способствовало и скороспелое, малопонятное создание дополнительных структур в сфере информации – Федерального наблюдательного совета (позже – Федеральная комиссия по телерадиовещанию, учреждение которой предусматривалось Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации») и Федерального информационного совета.

27 декабря 1991 г. на смену законодательному акту СССР пришел Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации». Различие между двумя правовыми актами довольно точно определил М. Федотов: «Если союзный закон декларировал свободу печати, российский резюмировал её как естественное состояние прессы, требующее недвусмысленных и разумных ограничений, позволяющих свободу одних гармонично сочетать со свободой всех прочих» [13; 238].

Примечания:

1. Гуттенберг Иоганн // Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1984.
2. Лучинский Ю.В. Очерки истории зарубежной журналистики. Краснодар: КубГУ, 1996.
3. Хуако З.Ю. Мир печати Адыгеи: энциклопедия. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2003.
4. Ши Цзин. Книга песен и гимнов // Антология мировой политической мысли. Т. 1. М.: Мысль, 1997.
5. Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1994.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
7. Тацит К. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1993. С. 328.

8. Власть зеркало или служанка? Т. 2. (Энциклопедия жизни современной российской журналистики). М.: Союз журналистов России, 1998. С. 268-270.

9. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М.: Политиздат, 1972. С. 57-58; Советская печать в документах. М.: Госполитиздат, 1961. С. 209-210; КПСС в резолюциях... Т. 3. М.: Политиздат, 1983. С. 160.

10. Декларация прав человека и гражданина. 1789 г. и Декларация прав человека и гражданина. 1793 г. // Антология мировой политической мысли. Т. 5. М.: Мысль, 1997. С. 69, 72; Всеобщая Декларация прав человека // Там же. С. 416; Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 30 июля-1 августа 1975 г. // Там же. С. 570; Из Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Там же. С. 758-759.

11. Конституция Соединённых Штатов Америки. 17 сентября 1787 г. Поправки к Конституции Соединённых Штатов Америки // Антология мировой политической мысли. Т. 5. М.: Мысль, 1997. С. 58; Конституция Германской империи (Веймарская конституция) 11 августа 1919 г. // Там же. С. 248; Основной Закон Федеративной Республики Германии. 23 мая 1949 г. // Там же. С. 427; Конституция Японии. 3 мая 1947 г. // Там же. С. 399.

12. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 10 июля 1918 г. // Антология мировой политической мысли. Т. 5. М.: Мысль, 1997. С. 224-225; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. 5 декабря 1936 г. // Там же. С. 317; Конституция Российской Федерации. 12 декабря 1993 г. // Там же. С. 667.

13. Федотов М. СМИ в отсутствие Ариадны. Попытка юридического комментария в лабиринте законов и практики // Власть зеркало или служанка? (Энциклопедия современной российской журналистики). Т. 1. М.: Союз журналистов России, 1998. С. 238.

References:

1. Guttenberg Johann // Soviet Encyclopedic Dictionary. М.: Sov. Encyclopedia, 1984.

2. Luchinsky Yu.V. Essays on the history of foreign journalism. Krasnodar: KubSU, 1996.

3. Khuako Z.Yu. The world of the press of Adygheya: encyclopedia. – Maykop: Adyghe Rep. Publishing house, 2003.

4. Shi Jing. Book of songs and hymns / / Anthology of world political thought. Vol. 1. М.: Mysl, 1997.

5. Plato. Coll. of works: in 4 vol. Vol. 4. М.: Nauka, 1994.

6. Jaspers K. The meaning and purpose of history. М.: Politizdat, 1991.

7. Tacitus K. Works: in 2 vols. Vol. 1. М.: Mysl, 1993. P. 328.

8. Power, a mirror or a servant girl? Vol. 2. (Encyclopedia of life of modern Russian journalism). М.: Union of Journalists of Russia, 1998. P. 268-270.

9. On the party and Soviet press, broadcasting and television. М.: Politizdat, 1972. P. 57-58; The Soviet press in documents. М.: Gospolitizdat, 1961. P. 209-210; The CPSU in resolutions ... Vol. 3. М.: Politizdat, 1983. P. 160.

10. Declaration of the rights of man and the citizen. 1789 and the Declaration of the Rights of Man and the Citizen. 1793 // Anthology of world political thought. Vol. 5. М.: Mysl, 1997. P. 69, 72; Universal Declaration of Human Rights / / Ibid. P. 416; Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe. Helsinki, July 30-August 1, 1975 // Ibid. P. 570; From the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // Ibid., P. 758-759.

11. Constitution of the United States of America. September 17, 1787. Amendments to the Constitution of the United States of America // Anthology of World Political Thought. Vol. 5. М.: Mysl, 1997. P. 58; Constitution of the German Empire (Weimar Constitution) August 11, 1919 // Ibid. 248; Basic Law of the Federal

Republic of Germany. May 23, 1949 // Ibid. 427; The Constitution of Japan. May 3, 1947 // Ibid. P. 399.

12. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. July 10, 1918 // Anthology of world political thought. Vol. 5. M.: Mysl, 1997. P. 224-225; Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. December 5, 1936 // Ibid. P. 317; The Constitution of the Russian Federation. December 12, 1993 // Ibid. P. 667.

13. Fedotov M. Media in the absence of Ariadne. An attempt of the legal comment in the labyrinth of laws and practice // Power, a mirror or a servant girl? Vol. 2. (Encyclopedia of life of modern Russian journalism). Vol. 1. M.: Union of Journalists of Russia, 1998. P. 238.